

Святослав Воевода Ратник княгини Ольги

ОНА БЫЛА ПРАВИТЕЛЬНИЦЕЙ РУСИ
И ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЕЙ ЕГО СЕРДЦА

После гибели любимого мужа, князя Игоря, Ольга желала одного — мести древлянам. Жажда расплаты и крови поглотила ее. Княгиня и не догадывалась, как сильно полюбил ее верный воин Ясмуд. Он почти заменил отца маленькому Святославу. Шли годы, княжич возмужал, прослыл могучим и беспощадным воином. Тем временем император Константинополя именовал Ольгу правительницей Руси. Да только Святославу, жаждущему власти, не по душе такое покровительство. Он хочет править единолично, избавившись от Ольги. Но на пути у княжича встанет верный Ясмуд...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4779-6

9 786171 124779 6

Святослав
Воевода

РАТНИК
КНЯГИНИ
ОЛЬГИ

Святослав Воевода
Ратник княгини
Ольги

Ратник княгини
ОЛЬГИ

Святослав Воеводин

Ратник княгини
ОЛЬГИ

УДК 821.161.1(477)
В63

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «Тим+»

ISBN 978-617-12-4779-6

- © Майдуков С. Г., 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Часть первая

Глава I

Много взявшему много отдавать

Мглист и сер был рассвет. Игорь с уцелевшими ратниками¹ сидел на жухлой траве, стараясь сдерживать озноб. От близкой реки тянуло стылой осенней сыростью.

Разжечь костер пленникам не позволили, доспехи и плащи отняли, чтобы никто не утаил ножа. Приставленные стражники следили бдительно, да еще верховые вокруг холма кружили — не убежишь, не спрячешься. Взойдет солнце — казнят. До сих пор живы только потому, что князь Мал всю ночь победу над русами праздновал, пока пьяным не свалился. Так ведь очнется вскоре. Пьяный сон — до первой жажды.

— А вот бы утро никогда не настало, — мечтательно произнес Богдан.

Отрубленная кисть его была перевязана грязной запекшейся тряпицей, а большего и не требовалось. Все равно скоро помирать.

Еще и борода толком не отросла у Богдана, а жизнь, почитай, закончилась.

¹ Ратники — категория войск в Киевской Руси. В отличие от дружины, которая была постоянным войском князя, ратники набирались из свободных крестьян и горожан на время военных действий.

— Жадничать не надо было, — буркнул Тихомир, который сам же и орал громче всех, что надобно с древлян повторную дань сбить, а то больно жируют.

— Вот и оделись в порты шелковые, — крикнул сосед досадливо.

— Вот и обзавелись щитами медными, — подхватил кто-то.

— Не по зубам каравай оказался.

— Вся прибыль — одна погибель.

— Заткнитесь вы, — выкрикнул Игорь, сильнее обхватывая себя за трясущиеся, ходящие ходуном колени.

— Хватит ныть, — поддержал князя Ясмуд. — Без вас тошно. За чем пришли, то и нашли.

До сих пор князь Игорь его недолюбливал. Говорил Ясмуд запинаясь, удаляю не отличался, от вина бледнел и мрачнел, вместо того чтобы с товарищами петь и веселиться. Однако же теперь от него исходила какая-то надежная сила, от которой Игорю чуток полегчало. Особенно когда придвинулся к нему Ясмуд и сел так, чтобы спина в спину упиралась.

— Теплее, князь? — спросил он тихо.

Вокруг полтора десятка своих, чужаков не считая, а они вроде как особняком, только двое их в рассветных сумерках.

— Теплее, — согласился Игорь. — А то зуб на зуб не попадал.

— Ну и ладно, — кивнул Ясмуд.

Это по движению спины ощутилось, что кивнул: они друг друга не видели.

— Таким же утром я женку свою встретил, — неожиданно для себя заговорил Игорь. — Ей четырнадцать лет тогда было. Я на Псковской земле зверя ловил, от ватаги отбился, всю ночь по лесу плутал.

— Ага, — сказал Ясмуд. Это чтобы дать понять, что слушает, а не дремлет.

— Рыба, слышь, плещет? — показал Игорь в сторону реки. — Я на такой же плеск пошел и на берегу оказался. Только то не рыба была, а ладьяца¹. Выплывает из тумана — а в ней малец сидит, веслом гребет. Я позвал, повелел доставить в селение. Так и познакомились.

— С кем? — не понял Ясмуд.

— С княжной моей, Ольгой.

Игорь умолк. Про то, что в лодке между ними случилось, постороннему не расскажешь. А случилось то, что разглядел он под рубахой мальчонки девичьи грудки и захотел проверить на ошупь, правду ли глаза подсказывают. Оказалось, все верно: не Олег перед ним был, а Олега, то есть Ольга. Она на самый край отпрянула, веслом замахнулась, да куда ей со взрослым мужиком сладить. Отобрал Игорь весло, ножик тоже отобрал, уже навалиться на девку приготовился, когда услышал: «Сраму не переживу, утоплюсь сразу. Остановись, если смерти моей не желаешь». Он посмотрел-посмотрел, и жалко стало красоту такую губить. Не тронул. А вскоре и свадьбу сыграли.

— Все глаза теперь выплачет Ольгушка моя, — произнес Игорь и, как ни силился держаться, а голос все-таки дрогнул. — Зря я Свенхильдову дружину отпустил, когда воротиться к древлянам задумал.

— Он бы тебя не послушался, — негромко заметил Ясмуд. — Чересчур норовистым стал твой воевода.

— Ты же с ним одних кровей вроде?

— Есть такое дело.

— А не пошел с ним, — проговорил Игорь и умолк, дожидаясь ответа.

¹ Ладьяца — маленькая ладья, лодка.

— Я не Свенхильду служу, а тебе, князь, — сказал Ясмуд. Одновременно подняв головы, они проследили за гусиной стаей, шумно пролетевшей в просветлевшем небе. Игорь досадливо вздохнул:

— Нельзя, нельзя было дружину отпускать. Всех вместе нас не одолели бы.

— Одолели бы, князь, — возразил Ясмуд. — Только кровью большой. Видал, сколько их налетело? Тьма-тьмущая.

— Жалеешь теперь?

— О чем же мне жалеть, князь?

— Так ты тоже против повторного сбора был, — напомнил Игорь.

— А то, — подтвердил Ясмуд. — Негоже корм по второму разу отбирать. Такого разбоя ни древляне, ни кто другой не потерпит.

Он говорил по обыкновению медленно, потому что не все слова давались ему одинаково хорошо. Голос его был тих, но те, кто находился рядом, уже начали прислушиваться, словно надеясь напоследок что-то важное узнать и понять.

— Мы обычай нарушили, — заключил Ясмуд со вздохом. — Теперь древляне вправе с нами, как со зверьем хищным, обойтись.

— Что же ты здесь, коли такой умный? — спросил в сердцах Тихомир.

— Где же мне быть, как не с князем?

Сказано это было просто. Будто речь о чем-то обыденном шла.

— Спасибо, витязь, — сказал Игорь, не поворачиваясь. — И прости. У всех прощения прошу, братья мои.

— И ты прости, княже, — зазвучали голоса. — Прости нас за жадобу нашу... Подбили тебя на дело лихое... Пропали теперь ни за грош.

— Может, обойдется еще, — молвил Ясмуд.

Тихий голос его заставил всех умолкнуть и посмотреть на него в ожидании продолжения.

И оно последовало.

— А помните, братья, как на Боспоре¹ с жизнью прощались? Ты, Тихомир? И ты, Доброгнев? Неждан, Милонег?

— И то, — соглашались наперебой те, чьи имена прозвучали. — Было дело. Казалось, конец пришел. А ведь выбрались же.

— Вот! — Ясмуд со значением поднял палец. — Вы помните, а кто нет, пусть послушает. Расскажи им, князь. — И добавил чуть ли не шепотом: — Твоего слова ждут, не моего.

Вообще-то Игорь не любил вспоминать тот поход, после которого возвращаться в Киев пришлось с позором. Но сейчас история представлялась в ином свете. Тем паче что и солнце взошло над краем земли, согревая воздух и душу.

Стал Игорь рассказывать, как гоняли в Царьград² большие лады с мехом, воском и рабами, как отбивались по пути от печенегов, хазар и другого лихого народа, промышлявшего вдоль семи днепровских порогов. Как перетаскивали лады с грузом вручную, как потом теряли людей и товары в водах Черноморья, как решил Игорь завоевать Боспор, чтобы самому власть над проливом занять. Тысячу ладей с ратью повел в поход, думал

¹ Боспор (Боспорское царство, Киммерийский Боспор) — одно из античных государств Северного Причерноморья с центром на берегах Керченского пролива.

² Царьград — славянское название Константинополя, столицы Византийской империи. Сейчас это крупнейший город в Турции Стамбул.

ударить внезапно, да только болгары¹ византийцев упредили заранее и василевс² Роман первым нанес удар. Близ маяка Фарос попали ладьи под разливной греческий огонь, стали вспыхивать одна за другой, а уцелевшие по морю разбежались, где их добивали и топили дромоны и триеры³ византийцев.

Игорь с уцелевшими дружинниками укрылся на боспорском берегу, где никто не догадался их искать. Два дня и две ночи ждали они появления вражеских кораблей с огненными молниями, однако остались незамеченными и, чудом прорвавшись через пролив, на нескольких ладьях уплыли восвояси.

— Так и спаслись, — закончил Игорь, обводя взглядом притихших слушателей, — хотя никто уж не надеялся. На все воля божья. Авось и теперь удастся избежать смерти.

Он умолк, услышав приближающийся конский топот. От шатра Мала к пригорку скакали трое верховых. Древляне свистели, визжали и скалились, явно предвкушая потеху.

«Кончатъ будут, — понял Игорь. — Вот и вся воля божья. Не дождешься меня, Ольгушка».

Ноги ослабли, но он заставил себя встать, давая понять, что он здесь за всех своих людей в ответе. Остальные повели себя по-разному. Одни, следуя примеру Игоря и Ясмуда, тоже поднялись с травы, другие остались сидеть, словно надеясь, что их не заметят и забудут.

¹ Булгары — тюркские племена, населявшие степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа.

² Василевс — официальный титул правителя Византийской империи. Василевсами назывались только константинопольские императоры.

³ Дромон — быстроходное парусно-гребное военное судно; триера — боевой корабль, на котором гребцы располагались в три яруса с обоих бортов.

Солнце стояло уже на два пальца выше лесной кромки и наливалось золотым дневным светом. Однако Игоря снова затрясло, несмотря на разливающееся по склону тепло. Чтобы скрыть дрожь, приходилось делать много мелких, ненужных движений и крепко стискивать зубы.

— Что, падальщик киевский? — спросил с веселой злостью древлянин, горяча своего коня так, чтобы тот теснил грудью Игоря. — Пришел твой час. Сейчас получишь свое сполна. Мал ждет.

Подобно другвита́м, кривичам или северянцам, говорил он на понятном, хотя на слегка ином языке. Все они выплачивали дань Киеву и обычно казались смирившимися со своей долей, даже дружелюбными. Но теперь маски были сброшены.

— Веди, — сказал Игорь, не отступая перед гарцующим конем. — Я готов.

Дрожь прошла. Голос звучал ровно и ясно. Обращаясь к древлянину, Игорь смотрел ему в глаза и знал, что взгляд его прям. «*Вот каков я*», — успел подумать он, прежде чем на него набросили аркан, повалили и поволокли вниз по склону.

Петля прихватила одну руку, оставив свободной другую, которой Игорь безуспешно пытался избавиться от петли. Никто и никогда не подвергал его подобному унижению.

— А ну! — кричал он, кувыряясь. — Стой! Пусти, пес! Сам пойду.

Всадник не слышал, подбадривая коня залихватским посвистом. Его товарищи отстали, чтобы скакать вровень с заарканенным пленником, смеясь над ним и выкрикивая что-то издевательское.

Игорь слышал плохо и видел урывками: лошадиный круп с презрительно задраным хвостом, синее осеннее небо с близкими быстрыми облаками, ключья травы

и земли, летящие из-под копыт. Он взлетал, падал... скользил... опять взлетал, опять падал. Рот наполнился медным вкусом крови, рубаха задралась, штаны сползли. И все бы ничего, но понимал Игорь отчетливо, что после такой пробежки и казнь ему будет назначена соответствующая: низкая, болезненная, лютая.

Всадник протащил его через ложбину, поднялся на соседний холм, где стоял шатер с волчьим хвостом на пике. Ободранный, лохматый, с мусором в волосах, Игорь сел. Мал смотрел на него сверху вниз, упершись кулаками в бока.

— Ну шо? — спросил он. — Прискакал, князек? Пора ответ держать.

— Зачем... так... со мной? — спросил Игорь, все еще задыхаясь.

Глаза Мала покраснели после вчерашних возлияний, но выглядел он расчесанным и умытым. Кафтан из заморской парчи был наброшен прямо на плечи, рукава свободно болтались вдоль могучего тела. Острая шапка с меховой оторочкой сидела на самой макушке.

— Заце-е-ем? — переспросил Мал. — Коли волк повадился к овцам, то вынесет все стадо, если его не убить.

— Не волки мы, — возразил Игорь, садясь прямо. — Овчарки. Псы сторожевые, что в обиду вас не дают.

— Псы, говоришь? Что ж, будь по-твоему. Собачью смерть тебе назначу. Попомнишь, как Коростень грабить. — Плюнув в сторону пленников, Мал обратился к своим дружинникам. — Ну-ка, братья, гните деревья. Вон те. — Он указал пальцем на березовую рощицу в отдалении. — Был один Игорь, станет два. Оба смиренные.

Гогоча, поскакали, побежали люди от шатра к березам, пронзительно белым на фоне неба. Ужасом обдало Игоря, как будто ледяной водой из ушата облили.

— Да ты что, князь? — выкрикнул он, еще не веря, что все это всерьез, не понарошку. — Умом тронулся? Почто бесчестишь равного себе? Руби мечом, бей копьём, коли надумал, а позорить не смей.

— Не ровня ты мне больше, — надменно произнес Мал. — Уговор нарушил? Нарушил. Пришел как тать¹ — как тать и сдохнешь. Мало тебе было? Всего захотел? Так я сам все твое отберу. — Он повысил голос. — Берите его. Ведите.

И откуда только силы взялись у Игоря? Одного дружинника отбросил, другого. Третьему в ухо так двинул, что только сапоги мелькнули, а там и ему кулаком перепало. Брызнули звезды из глаз, померк мир, а когда прояснилось снова, то уже тащили Игоря, заламывая ему руки, голову выворачивая. Хрипел, скалился, косился дико, будто жеребец, а шел, мелко переступая.

Эх, прибили бы на месте! Но нет, вели, тащили волоком, под конец и вовсе на руках несли, сопя, толкаясь, пересмеиваясь.

— Сейча-ас... Сейчас узнаешь.

Когда сбросили на землю, как мешок, и принялись вязать, Мал уже был рядом — прохаживался нетерпеливо. Игорь завертелся, задергал руками и ногами, да путы держали крепко. Лежал он между двух деревьев, склоненных верхушками к земле и удерживаемых в таком положении толстыми веревками, обвитыми вокруг пней.

— Знаешь, что дальше будет? — осведомился древлянский князь, утирая губы после поднесенной чарки.

— Догадываюсь, — буркнул Игорь.

— Ты про это? — Мал кивнул на согнутые березы. — Тут и дитя поймет, что к чему. Не-ет. — Он покачал головой. — Не про то разговор.

¹ Тать — вор, хищник, похититель, грабитель, мошенник.

— Про что тогда?

Ужасное предчувствие зазмеилось холодом в груди Игоря.

— Когда княжна твоя слезы выплечет, я к ней сватов зашлю, — пояснил Мал, расставляя ноги пошире и закладывая большие пальцы за широкий кожаный ремень с бляхами. — И настанет мир между Коростенем и Киевом. А там уж я ее под себя подомну. — Он осклабился, шевеля ноздрями. — Бабы силу уважают. Как захочу, так заверчу Ольгою.

Он сделал похабный жест.

Игорь опять задергался, брыкая ногами, привязанными к березам.

— Врешь! — крикнул он. — Не пойдет за тебя Ольга.

— А куда ей деваться? — насмешливо поднял бровь Мал. — Каково бабе одной с войском управляться? Одной и на ложе не сладко, а на поле брани и подавно. Моей будет Ольга. И пашенок твой моим будет. И вся земля.

— Ах ты...

Игорь плюнул, да только бороду испачкал. Слюна от крови стала вязкой.

— Не трожь Ольгу, — почти взмолился он. — Жизнь мою забирай, а ее оставь за-ради бога.

— Твоей жизни вот сколько осталось. — Мал отмерил пальцами. — Неравный обмен. Не согласен.

Рука его поднялась вверх и упала. Двое древлян одновременно рубанули натянутые веревки, высвобождая напряженные стволы. И взмыл Игорь кверху широко расставленными ногами.

До неба не долетел — все гораздо раньше закончилось. Разом.

Глава II

Дурные знамена

Когда Ольга проснулась, было еще совсем темно. Тянуло гарью из остывшей печи, скрипел сверчок под половицей, сопел натужно Святослав в колыбельке, установленной подле княжеского ложа. Второй день маленький носик сына был забит соплями, а в груди у него хрипело и хлюпало.

Чтобы не простудить его еще больше, пришлось сильно натопить в опочивальне и наглухо закупорить все окна. Дышать здесь стало совсем нечем, да еще и тяжелый дух стоял от барсучьего жира, которым натерли тельце Святика.

Ольга раздраженно отбросила тяжелое одеяло. Сырая рубаха неприятно липла к телу. Ольга стащила ее через голову и, скомкав, бросила на пол. Взяла из сундука чистую, надела и босая пошла к печи. Поверх сложенных в углу поленьев лежали заранее заготовленные ветки вереса. Взяв одну, Ольга бросила ее поверх тлеющих угльев. По комнате расплылся душистый запах, перебивший все остальные.

Ольга склонилась над колыбелькой, потрогала губами лоб Святослава. Похоже, жара не было. Помогли отвары, мази и капли византийские. Ну и слава богу.

Поколебавшись, Ольга сплела пальцы у груди и отвесила три поклона, метя волосами пол. Если не поблагодарить

Сварога¹, он отомстит. Нашлет на сыночка новую лихо-манку или еще что-то придумает. Нет, лучше его не гневить. Остальных тоже.

В молитве Ольги нашлось место и для Перуна, и для Велеса, и для богов поменьше, вплоть до самых маленьких, домашних, способных мышью обратиться. Но обычного умиротворения не наступило. Неясная тревога, смутная, как осеннее утро, томила душу.

Велев челяди вынести горшки и колыбель со спящим Святославом, Ольга распахнула набухшее от дождей окно. С улицы дохнуло сыростью и холодом. Поежившись, Ольга набросила безрукавку из рысьего меха и опять кликнула челядь.

— Эй, кто тут есть? Печь растопите, да пожарче. И воды в лохань наносите, мыться буду.

Вскоре огонь запылал с новой силой, наполняя теплом комнату, в которую то и дело вбегали девки с ведрами и ковшами.

Одна зацепилась подолом за лавку, споткнулась, растянулась на полу, кипяток расплескав. Ольга прогнала ее, швырнула горячий ковш вслед, поводила рукой по воде, разделась и села в лохань.

— Гапка? Утирки оставь, а сама ступай вон. И чтобы никто ко мне ни ногой.

— Слушаюсь, княгиня.

— Пошла, пошла...

Ольга стала лить воду на голову, готовясь мыть волосы. Огонь сверкал и гудел совсем рядом, не давая зябнуть мокрому телу. Рядом с лоханью была разложена волчья шкура, чтобы, вытираясь, стоять босиком. Обычно, сидя в теплой воде, Ольга расслаблялась и даже напевала

¹ Сварог — древнерусский перевод имени греческого бога Гефеста.

что-нибудь. Но не этим утром. Тревога не только не отпускала, но становилась все сильнее.

Нетрудно было понять, чем она вызвана. Мысли Ольги беспрестанно крутились вокруг образа мужа. По осени он всегда отправлялся за данью и, случалось, пропадал на чужбине, пока Днепр не затягивало льдом. Однако нынешний поход был не таким, как предыдущие. Игорь непонятно почему отослал в Киев своего воеводу Свенхильда, который прибыл с дружиной день назад и на расспросы отвечал односложно и неохотно. Мол, отослал его князь, сказав, что сам управится, потому что древляне укрощены и покорны.

«Вот оно! — внезапно догадалась Ольга. — Что-то недоговаривает Свенхильд. Что-то скрывает. И сразу хворым сказался. Не потому ли, что допроса боится?»

Хоть сидела она по грудь в горячей воде, но сердце все равно похолодело. Прошлой осенью Свенхильд один за данью ходил и привез из похода так мало, что у Игоря с ним ссора вышла. После того случая прежнего согласия между ними не было. Чтобы такого больше не повторилось, в этом году Игорь отправился на сборы сам.

Ольга, дура, обрадовалась. Предвкушала, как будет новые перстни и серьги примерять, горницу шелками украшать, под ноги соболей стелить. Теперь же она с радостью отдала бы содержимое своих ларцов и сундуков за возможность поскорее обнять мужа и убедиться, что он цел и невредим.

До сих пор боги его берегли, как и славного дядьку Олега, пришедшего из Новгорода, чтобы править Русью тридцать лет и еще три года. После его гибели Игорю удалось не только сохранить за собой престол киевский, но и владения расширить, действуя где силой, а где и хитростью. Когда древляне, возрадовавшись смерти Вещего Олега, хотели от княжества отойти, Игорь быстро их на место поставил, пройдясь с ратью до Коростеня. С тех пор

они вели себя смиренно, дань платили исправно, суд и законы княжеские признавали, новых союзов не заключали. Выходит, не о чем беспокоиться?

«Конечно, — сказала себе Ольга. — Зачем тревожишь себя понапрасну, глупая баба? Иных забот у тебя нет, иных страхов? Сколько раз Игорь в поход ходил на все стороны света и всякий раз обратно возвращался? Даже в самых кровавых битвах царяпинами отделялся. Чего же ему древлян бояться? Они нынче сами как деревья, среди которых живут».

«Дерев и бойся», — прозвучало в голове.

Голос был мужской: ровный, бесстрастный. Ольга уже не раз слышала его в своей голове и гадала потом: почудилось ей или впрямь кто-то с ней разговаривает? Неужто бог? Или то душа какого-нибудь родича так забавляется? Не понять. Тем более что сказанное голосом потом забывалось, как будто ничего не звучало.

Закончив мыться, Ольга встала, позволив воде сбегать по телу в лохань. Она вытирала волосы полотном, когда за дверью раздались голоса: увещевающий женский и плаксивый детский. *«Святослав проснулся», — сказала себе Ольга и тотчас забыла упреждение о деревьях.*

— Сейчас! — крикнула она, становясь мокрыми ногами на волчью шкуру.

Но дверь уже приоткрылась, и Святослав попытался протиснуться в щель, отчаянно вырываясь из рук, удерживающих его за рубашонку.

Лицом мальчонка удался в отца, только волосы белые, будто сметана, — как у самой Ольги в детстве. И глазички Святюку достались материнские — яркие, серые, каплевидные.

— Мамка! — завопил малец. — Скажи ей, пусть отпустит!

Слова он выговаривал еще совсем по-детски, а знал их не меньше любого взрослого. Умный был не по годам. И строптивый.

Рубашка на плече треснула, Святослав упал на пол, в дверном проеме появилось раскрасневшееся, растерянное, виноватое лицо няньки Василисы.

— Прости, княжна, не справилась, — запричитала она. — Такой неслух, такой неслух...

Святослав тем временем вскочил и подбежал к Ольге, обхватив ее ноги, прикрытые полотнищем. Кроме рубашки и валенок, на нем ничего не было.

Ольга велела няньке подать большой пуховый платок и выпроводила ее из опочивальни.

— Вот опять захвораешь, — сказала она, набрасывая платок на плечи сына.

— Не захвораю, мамочка, — пообещал он, послушно дожидаясь, пока она завяжет концы на груди. — Я не кашлянул даже ни разу. И соплей нет. — В подтверждение своих слов он несколько раз втянул носом воздух. — А что это у тебя? — Он показал.

Смутившись, Ольга развернула его к себе спиной и строго велела:

— Не оборачивайся, пока не скажу.

Закончив вытираться, она принялась натягивать рубаху, которая никак не хотела лезть на влажное тело.

— Уже можно? — попискивал Святослав, переминаясь с ноги на ногу. — Можно уже?

— погоди, — прикрикнула Ольга. — Ишь не терпится ему. Наглядишься еще.

— Когда вырасту?

— А то. Все, можешь повернуться.

— А мне тятка снился, — сообщил сын, разочарованно скользнув взглядом по материнной рубахе. — Можно я в воде ладейки попускаю?

— Даже не думай. Рукава намочишь, опять сляжешь.

— Я осторожно, мамочка.

— В другой раз. Эй!.. — Ольга повысила голос. — Кто там есть? Лохань унесите.

Пока две девки, пыхтя и шаркая, справлялись с заданием, Ольга распорядилась накрывать на стол и стала расчесывать гребнем волосы перед печью.

Святослав перепоясался ее ремешком, прихватил кочегру и стал важно прохаживаться по комнате.

— Мама, — позвал он. — Мама? Похож я на бату? Гляди, это у меня не платок теперь, а плащ.

— Вылитый отец, — подтвердила Ольга, скосив глаза в сторону зеркала. — Что тебе снилось? Ты не рассказал.

— Будто бы он по деревьям лазил, — стал припоминать Святослав, хмуря белесые бровки. — Я его снизу зову-зову, а он не слышит.

— По деревьям? — неприятно поразилась Ольга.

Ей снова припомнился голос, прозвучавший в голове и велевший бояться деревьев.

— Ага, — подтвердил Святослав. — Высоко-о-о! Как грохнулся оттуда. Кровищи было!

— Это к родне, — быстро сказала Ольга. — Значит, сегодня вести про тятюку будут.

— Хорошо бы. Он гостинцев привезет.

— Обязательно.

— Я тоже буду гостинцы возить, — пообещал Святослав, разглядывая волчью шкуру на полу. — Отдай мне ее, мамочка.

— Кого?

— Шкуру.

Ольга оглянулась, заплетая косу алой лентой.

— Зачем тебе?

— Натяну на себя, стану всех пугать. — Мальчуган оскалил зубы и зарычал: — Р-р-р-ры!

Ольга невольно улыбнулась: буква «р» давалась ему пока с трудом.

— Нельзя волчью шкуру надевать, — наставительно заговорила она. —оборотнем станешь.

— Как? — изумился Святослав.

— Как другие стали, — сказала Ольга. — Днем человек, ночью зверь.

— Ух ты! Это мне по нраву.

— Не выдумывай! Лицо шерстью зарастет, станешь на карачках бегать, телят и детей малых грызть.

— Зато все бояться будут, — возразил Святослав.

— Ну так один останешься. Гнать тебя будут отовсюду, собак науськивать. Люди отвернутся, и боги тоже. Останешься с бесами и прочей нечистью.

Мальчик с опаской посмотрел на шкуру и сделал шаг в сторону, как бы нечаянно.

— В том лесу кто-то страшный прятался, — сказал он.

— В каком лесу? — не поняла Ольга, занятая выбором ожерелья.

За время разговора она успела не только причесаться, но и одеться к утренней трапезе. Святослав зачарованно посмотрел на похорошевшую мать.

— Красивая ты, — протянул он. — И щеки румяные, как с мороза. Почему?

— Душно тут, — смутилась Ольга, пряча заветный ларчик с румянами, сурьмой и толченым мелом. — Проветрить надобно. — Она направилась к окну. — Что за лес-то?

— В котором тятя с елки упал, — пояснил Святослав. — Они из-за деревьев глядели...

— Кто глядел?

Ольга раздраженно подергала набухшую, плотно зашившую раму. Следя за ней, сын пожал плечами:

— Не знаю. Кто-то. Только глаза светились. Страшно.

Ольга вздрогнула. Окно наконец поддалось, и она отшатнулась, уворачиваясь от чего-то черного, летящего прямо в лицо.

Святослав стремительно присел, закрывая голову обеими руками.

По комнате, каркая и задевая крыльями потолок и стены, металась большущая ворона.

— Пошла! — завопила Ольга, гоняясь за ней с кочергой в руке. — Убирайся, гадина такая!

Ворона, словно не замечая открытого окна, продолжала кружить под потолком. Святослав бросил в нее подушкой, сшиб подставку с веретенами, получил от матери подзатыльник.

На шум сбегалась челядь, дружно замахала руками, загалдела. Ворону как ветром сдуло. Усевшись на узловатой ветке напротив, она каркнула и стала чистить клюв, поглядывая на окно одним злобно сверкающим глазом.

Ольга поспешно захлопнула раму. Стекло хрустнуло, покрылось сетью трещин. Слуги ахнули, увидев такое разорение, но Ольга как будто ничего не заметила. Вместо того чтобы задвинуть щеколду, она опять открыла оконце и втиснулась в него по плечи, чтобы лучше видеть.

По дороге, ведущей из земель древлянских, скакала группа всадников. Цвет плащей выдавал в них дружинников, охранявших подходы к Киеву, но среди них ехал еще один человек — в исподнем и разутый, несмотря на осеннюю слякоть и стынь. Издали невозможно было понять, кто он такой, но Ольга уже знала, что он везет вести о ее муже.

Плохие вести, страшные.

Глава III

Измена, измена!

Дворовая боярыня Любомила никогда еще не видела Ольгу в таком отчаянии. Обычно ясные глаза княгини потускнели, лицо осунулось и потемнело, словно внутри что-то сгорело. На просьбы поплакать Ольга молча глядела так, что Любомила их больше не повторяла.

Свой чин она получила за то, что однажды спасла княгиню от увечий или даже гибели, когда та повисла на узде взбесившегося жеребца Буяна. Во двор конь вошел степенно, лишь слегка покачивая Ольгу в седле, а потом вдруг ударил копытами и бросился в конюшню. А в конюшне той была такая низкая притолока, что пригибайся, не пригибайся — все равно лоб расшибешь. Тут-то Любомила и встала на пути. Буян сильно помял ее тогда: ногу отдавил, два ребра сломал, да еще и зубами полщеки отхватил. Ничего. Выжила, оклемалась и высоко над дворовыми поднялась, а муж ее, изуродованную, пуше прежнего любить стал, потому что и его жизнь круто к лучшему изменилась.

Но сегодня все, кто находился в детинце¹, да и в самом Киеве-граде, не чувствовали себя в безопасности, тревожась за своих близких, за добро свое и за саму жизнь. Не было больше над всеми князя, а значит, не существовало

¹ Детинец — центральная часть древнерусского города, одно из названий внутренней городской крепости.

жестких, но простых, понятных и привычных законов. Без Игоря Киев был подобен большому зверю, внезапно лишившемуся сил, зрения и разума. Врагов много, и все так и ждут своего часа. Вот-вот налетят, словно стервятники. И невольно поднимались взоры к низкому сизому небу с провисшими брюхастыми тучами, сочащимися дождями. И тяжелели сердца от предчувствия беды. И уже мерещились вдали вражеские орды, спешащие за поживой.

Несомненно, подобные мысли посещали и княгиню Ольгу. Однако боль утраты терзала куда сильнее всех прочих чувств, которые она испытывала. В первую очередь она была женщиной, потерявшей любимого мужа, а потом уже властительницей, матерью, кем угодно.

Любомила, схоронившая двух сыновей, понимала, что творится на душе хозяйки.

— Княгинюшка, — окликнула она, когда стало невмозможно смотреть на Ольгу, которая давно уж сидела неподвижная и бледная, словно мертвая, уставившись невидящими глазами в стену горницы. — Княгинюшка, нельзя так. Если горю не дать выхода, оно сожжет тебя изнутри, как огонь. Не хочешь плакать — кричи, ругайся, дерись. Все легче станет. Уж поверь, я знаю.

Запавшие глаза Ольги медленно переместились на боярыню.

— Откуда тебе знать?

— У меня четверо сыновей было, — ответила Любомила, не отводя взгляда. — Теперь двое. И тоже воевать пойдут, если указ будет.

Ольга снова уставилась в стену. Как видно, в сердце ее не проснулась жалость к боярыне, слишком уж оно было заполнено собственной бедою. Любомиле стало обидно, но она находилась не в том положении, чтобы обиды свои высказывать. Вся семья на ней держалась. Кроме того,

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Много взявшему много отдавать	7
Глава II. Дурные знамения	17
Глава III. Измена, измена!	25
Глава IV. Суд и приговор	36
Глава V. Обмен угрозами	46
Глава VI. Одна как перст.....	53
Глава VII. Верой и правдой.....	61
Глава VIII. Глас народа	69
Глава IX. Разделяй и властвуй	76
Глава X. Умом и сердцем	86
Глава XI. Слово божье.....	95
Часть вторая	105
Глава XII. Сватовство и погребение	107
Глава XIII. Блаженны милостивые.....	117
Глава XIV. Горячий прием	125
Глава XV. Любовь, земная и небесная.....	133
Глава XVI. Поминки по князю Игорю	141
Глава XVII. Не мир пришла принести.....	148
Глава XVIII. Мечом и огнем	155
Глава XIX. Бразды правления	166
Глава XX. Прощальный поклон	177

Часть третья	187
Глава XXI. Крестьясь и открещиваясь	189
Глава XXII. Дела семейные и государственные	202
Глава XXIII. Князь, не князь... ..	214
Глава XXIV. Страсть и власть.....	224
Глава XXV. Смена власти.....	234
Глава XXVI. Вера, любовь и никакой надежды.....	245
Глава XXVII. Погибель или спасение?	258
Глава XXVIII. Последняя зима	267
Глава XXIX. Отходная молитва.....	278

Літературно-художнє видання

ВОЄВОДИН Святослав
Ратник княгині Ольги

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 28.03.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдявна, 11.
Свідоттво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВОЕВОДИН Святослав
Ратник княгини Ольги

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 28.03.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Після загибелі коханого чоловіка, князя Ігоря, Ольга жадала одного — помсти дерев'янам. Жага розплати й крові поглинула її. Княгиня й гадки не мала, як сильно покохав її вірний воїн Ясмуд. Він майже замінив батька малому Святославу. Минали роки, княжич змужнів, став могутнім та безпощадним воїном. Тим часом імператор Константинополя нарік Ольгу правителькою Русі. От тільки Святославу, який жадає влади, не до душі таке покровительство. Він бажає правити одноосібно, позбувшись Ольги. Та на шляху у княжича постане вірний Ясмуд...

Воеводин С.

В63 Ратник княгини Ольги : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с.

ISBN 978-617-12-4779-6

После гибели любимого мужа, князя Игоря, Ольга желала одного — мести дерев'янам. Жажда расплаты и крови поглотила ее. Княгиня и не догадывалась, как сильно полюбил ее верный воин Ясмуд. Он почти заменил отца маленькому Святославу. Шли годы, княжич возмужал, прослыл могучим и беспощадным воином. Тем временем император Константинополя именовал Ольгу правительницей Руси. Да только Святославу, жаждущему власти, не по душе такое покровительство. Он хочет править единолично, избавившись от Ольги. Но на пути у княжича встанет верный Ясмуд...

УДК 821.161.1(477)